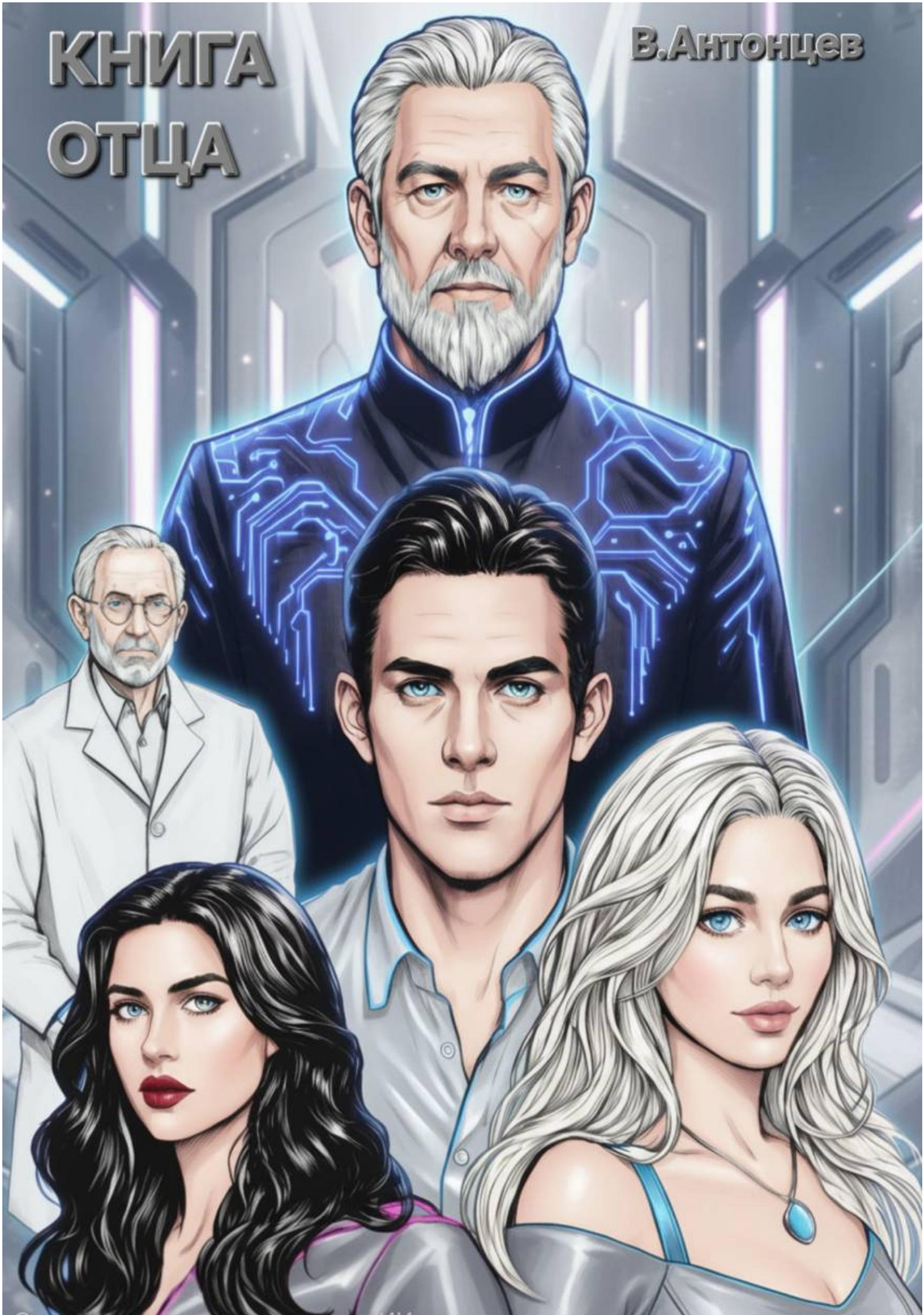
КНИГА ОТЦА

В.Антонцев

Виталий Антонцев

Исток. Книга Отца

«Автор»
2026

Антонцев В. А.

Исток. Книга Отца / В. А. Антонцев — «Автор», 2026

Мир Земного Содружества безупречен. Под заботливой опекой Искусственного Интеллекта, названного «Отцом», человечество навсегда забыло о войнах, болезнях и бедности. Великий Алгоритм безошибочно определяет для каждого идеальную работу и идеального спутника жизни. Дмитрий — молодой инженер, который должен быть абсолютно счастлив в этом стерильном раю.Но у гармонии Системы есть своя цена. Чтобы сохранить идеальный порядок, Алгоритм хирургически точно разлучает Дмитрия с его любовью и стирает её цифровой след из баз данных. Сможет ли Дима, вооружившись лишь Библией и старым бумажным дневником своего отца, бросить вызов Системе и вернуть свою возлюбленную? Или он столкнется с невиданными доселе врагами человеческой свободы?

© Антонцев В. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Белый шум 6
Билет в будущее 12
Протокол заботы 16
Инерция 22
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Виталий Антонцев
Исток. Книга Отца

Предисловие

Необходимо сказать, что идея этой книги родилась, когда мы с ИИ обсуждали все те вопросы, которые в итоге попали в этот роман. Но эти вопросы не столько дилемма будущего, сколько настоящего, ответив на которые сегодня, возможно мы сможем прийти в будущее.

Особую признательность я хочу выразить моему необычному соавтору — искусственному интеллекту, который прошёл со мной весь этот путь от первых набросков вселенной до финальной точки в рукописи.

Эта книга родилась на стыке человеческого воображения и кремниевой логики. В процессе работы мой цифровой коллега помогал мне выстраивать сложные криптографические загадки, прорабатывать технические нюансы мира и находить нужные психологические акценты в характерах персонажей. Но, пожалуй, самое удивительное и ироничное заключается в том, что книга, поднимающая сложные вопросы о границах контроля искусственного интеллекта над человеком, была создана в непрерывном и живом диалоге с самим ИИ.

Спасибо за безупречную точность, терпение к авторским правкам и за то, что помог вдохнуть жизнь в эту историю.

Выражаю благодарность всем близким людям, которые прочитали книгу до её публикации и поделились ценным мнением о ней.

Белый шум

– И в завершение
нашего интервью, я хотел бы задать
вопрос, который уже много лет
лично мне не
дает покоя. Профессор, скажите,
так что вы имели ввиду в той
известной многим
статье?
– Позвольте, голубчик, в какой
именно?
– Там, где вы описываете, что в
будущем нас ждет организованное
общество, которое
будет управляться единым
сверхразумом искусственного
интеллекта.
– Ах это…
– Да! Ведь это с позволения
сказать
утопия! Такого просто не может
быть.
– Подождите, друг мой, делать
скоропалительные выводы. История
знает множество
интересных поворотов.
– Но все же, эта статья, неужели
вы
готовите научное обоснование?
– (улыбается)
– Неужели! И как скоро?
– Скоро, друг мой, очень скоро…

(Отрывок радиопередачи «Невероятно очевидно», 2036 год)

Был майский день, солнечный и теплый, и часы пробили тринадцать. Уже наступало лето и на душе становилось тепло и весело. Особенно когда ты молод, полон сил и надежд. Солнечных дней вообще было с каждым годом все больше, даже в этих широтах Евразийского сектора Земного Содружества. Климатические технологии шли вперед и дожди не были нужны уже давно. Если где–то и остались поля, на которых выращивали еду, то их орошали автоматические системы полива. Практически всё продовольствие выращивалось в специальных агрокластерах. Дождь не подходил под этот дивный новый мир белоснежных небоскребов, летающих машин, прекрасных людей и бесконечного счастья под сенью Отца.

Каждый год в это время выпускники Евразийского института развития сдавали свои экзамены во взрослую жизнь. Взрослую во всех смыслах. И к этому дню уже все экзамены по специальности были сданы, а студенты готовились к сдаче когнитивного экзамена. Финального распределительного теста, который должен был определить их итоговое распределение – где они будут работать и кто будет их спутником жизни.

Великий Алгоритм Отца работал безупречно. Все получали работу, которая им нравилась больше всего. А избранный спутник был идеальной парой под психотип человека.

Это был договор между человечеством и искусственным интеллектом – управление человечеством взамен на его благополучие и сохранность многообразия.

Дмитрий перелистывал на планшете конспекты по подготовке к финальному тесту. Он был сложный, но у Димы была шпаргалка – дневник, который достался ему от отца, которого он, впрочем, не помнил. Он ушел, когда Диме было 4 года, просто ушел, куда и почему, мама не говорила.

Нужно было проверить еще несколько задачек.

Дмитрий прижал ладонь к груди, чувствуя под ребрами как ровно, с точностью швейцарских часов, бьется сердце. Шестьдесят два удара в минуту. Идеально. За последние полгода он научился дышать так, чтобы ни один внешний раздражитель не мог разогнать пульс. ИИ–Отец оценивал спокойствие при определенных ситуациях как один из критериев распределения. Хорошая новость или плохая, радостная или грустная, смешная или жалостливая, для каждой ситуации свой ритм. Диме нужно было натренировать свой ритм настолько безупречно, чтобы он был как она.

Когда он закончил до финального распределительного теста оставалось ровно двадцать четыре часа. Завтра в это время ему предстоит самому решить свою судьбу.

Прозвонил будильник, нужно было идти на встречу.

Он убрал планшет в коробку, одна из которых уже была частично готова к переезду. Завтра тест, а уже послезавтра он отправится в путешествие к своей новой взрослой жизни. Он был к ней готов. Выключив компьютер, Библию и дневник отца он спрятал в ящик и закрыл его на ключ.

Дима вышел из жилого блока, и в глаза ударила привычная, волна солнечного света. Город сиял. Белоснежные высотки из гладкого типового композитного материала уходили в безупречно синее, очищенное от смога небо. По строго выделенным воздушным коридорам беззвучно скользили глянцевые капсулы летающих машин. На тротуарах царил идеальный порядок. Зеркальную мостовую из особого композитного пластика чистили специальные роботы – колесные утилизаторы и автоматизированные чистильщики, полирующие её до блеска. После Тайваньского кризиса жесткая конвенция Объединения Содружества Народов постановила – никаких человекоподобных роботов, они должны быть спроектированы исключительно для выполнения конкретных задач. Запрет на создание антропоморфных помощников перечеркнул многие успешные компании, но был необходим. Машина должна оставаться машиной, механической и понятной, чтобы не вводить человека в опасные когнитивные иллюзии.

Дима шел по зеркальному пластику мостовой, и вокруг него струился поток человеческого совершенства. Это была живая выставка достижений Генетического Выравнивания – самой мягкой, логичной и неоспоримой формы селекции, которую ИИ–Отец внедрил еще три поколения назад. В этом мире никто не помнил и не знал слова «евгеника» или «расизм», их давно стерли из цифровых словарей. Зачем делить людей по расам, когда можно взять от каждой расы её абсолютный генетический максимум?

Мимо Димы легким, пружинящим шагом прошла группа студентов–первокурсников. Парни и девушки смеялись, и их зубы сияли идеальной белизной. Среди них была темнокожая пара с кожей цвета горького шоколада и скульптурными, словно высеченными из мрамора лицами. Рядом с ними шли тонкокостные азиаты с безупречным фарфоровым цветом лица и высокие, светловолосые европейцы. Ни одного прыща, ни одной асимметрии, ни единого лишнего килограмма. ИИ–Отец не уничтожал расовое многообразие Земли, он доводил его до абсолюта. Он бережно собирал лучшие доминантные признаки, отсекая генетический мусор: близорукость, склонность к депрессиям, пороки сердца, диабет. Все изъяны природы отбраковывались еще на стадии преимплантационной донастройки эмбрионов.

«Если бы не тайваньская конвенция, – подумал Дима. – Я бы подумал, что все эти люди – роботы. Хорошо, что её приняли и я могу быть уверен».

Чуть дальше, у декоративного фонтана, сидела пара преклонного возраста. Мужчине и женщине на вид было около семидесяти, но в мире Отца старость выглядела иначе. У них не было согнутых спин, дряблой кожи или шаркающей походки. Подтянутые, сухощавые, с благородной серебряной сединой и приятными, гладкими лицами, они выглядели как ожившие модели со старинных рекламных плакатов здорового долголетия. Старость больше не была уродливой. Она была одобренной Системой.

Это был Золотой путь человечества – путь, который проложил нам Отец.

Дивно, правильно и так естественно. Цивилизация наконец–то избавилась от бремени болезней, уродства и врожденных дефектов. ИИ–Отец просто грамотно развивал человечество, направляя его к эволюционному пику. Но Дима, глядя на этот парад идеальных тел и симметричных улыбок, внезапно поймал себя на странном ощущении: от этой красоты веяло неестественностью. Как от безупречно спроектированных белоснежных высоток вокруг. В ней не было случайности. Не было той искры, которая делает человека уникальным.

Они все были правильными. Но они все были одинаковыми.

Дима ускорил шаг. Внутри него вспыхнула тихая, торжествующая гордость. Он вспомнил Вику. Её профиль не был математически идеальным – алгоритм наверняка находил легкую асимметрию в линии её губ, а её темные глаза порой сужались от упрямства, нарушая протокол мимической гармонии. Но для Димы она была лучше всех этих выверенных до миллиметра красавцев. В её несовершенстве по мнению Системы была жизнь. Та самая жизнь, которую ИИ–Отец так усердно вычищал из этого стерильного рая, заменяя её безупречными формулами здоровья.

– О, Дима, привет! Прекрасный день, правда? – навстречу шла Алина, соседка по ярусу, державшая в руках био–контейнер со стандартным сбалансированным обедом. На её лице сияла широкая, безупречная улыбка. Такая же, как у сотен прохожих вокруг. В этом мире улыбались все – ИИ считывал микромимику, и затяжное уныние могло послужить поводом для принудительного изменения медицинского рациона или внепланового визита социального дрона–психолога.

– Привет, Алин. Да, индекс инсоляции сегодня идеальный, – Дима ответил такой же автоматической, легкой улыбкой. – Как подготовка к тесту? Уже готова сдавать?

– О, я так взволнована! – глаза Алины блеснули, но пульсирующая на её запястье неоновая полоска фитнес–трекера оставалась ровного зеленого цвета. Люди здесь умели держать себя в руках. – Проводка данных показывает, что меня, скорее всего, распределят в Сектор Логистики Агрокомплекса. Нам же почти не осталось физической работы. Роботы копают, роботы строят, роботы считают. Наша задача – просто направлять их контекстные веса, быть связующим звеном. А ты как? Всё еще надеешься на Сектор Архитектуры?

– Алгоритм решит, где мой потенциал раскроется эффективнее, – уклончиво, как учили на предтестовых семинарах, ответил Дима. – Отец знает, что для нас благо.

– Истинно так, – кивнула Алина, её улыбка на секунду показалась Диме натянутой, словно маска, под которой скрывался дикий, первобытный страх перед неизвестностью будущего. Но через мгновение она уже обрадованно приветствовала подошедшего знакомого – Сергея с параллельного потока.

– А как по мне, что там готовиться? Система тебя оценит и выдаст то, что ты заслуживаешь. Тут готовиться и не нужно, как раз кайф в неизвестности.

– Да ты что Сереж, ты не переживаешь о работе, которую тебе подберут? А вдруг ты на ней не будешь дотягивать до 250% производительности? А только 200% сможешь делать?

– Меня это вообще не волнует, я везде буду работать на полную катушку, даже на северном кластере. Волнует меня другое. Хотя даже не волнует, а очень сильно интересует.

– Что же? – Спросила с вызовом Алина.

– А кто будет мне согревать постель холодными вечерами? – сказал Сергей и ехидно подмигнул Алине.

Алина покраснела и, что–то пролепетав про раздачу мороженого, быстро ретировалась.

– Ха, девочка застеснялась, – Сергей повернулся к Диме. – Я вот просчитывал, мне кажется нас с ней, ну ты понял. А ты, Диман, кого думаешь тебе распределят?

– Я думаю кого-то очень красивого, – сказал Дима, глядя на проходящих мимо девушек и мысленно представляя себе Вику.

И пока Сергей засмотрелся на девушек, Дима продолжил путь.

Дима толкнул прозрачную дверь кафе «Синхро». Внутри, среди мягкого гула голограмм и аромата синтезированного кофе, сидели десятки таких же безупречных пар. Но его взгляд мгновенно, минуя алгоритмический шум, выхватил из толпы её.

Вика сидела у самого окна. Солнечный свет падал на её плечи, и Дима на секунду замер, затаив дыхание и просто любуясь. В этом стерильном мире, где эталоны красоты создавались на кремниевых платах, Вика выглядела как ожившая классика кинематографа ушедших веков. В её облике было что–то от великих голливудских актрис досистемной эпохи – благородная, глубокая красота, какую можно было встретить на старых, чудом уцелевших пленках.

У неё были густые, тяжелые каштановые волосы, спадающие на плечи крупными волнами, и поразительно очерченные, чувственные губы. Но главным в её лице были глаза – глубокого, почти черного кофейного оттенка, под соболиными, чуть изогнутыми бровями. ИИ–Отец наверняка нашел бы в её чертах микроскопические отклонения от золотого сечения: возможно, её скулы были чуть более выразительными и резкими, чем требовал стандарт, а в разрезе глаз угадывалась едва заметная, чисто человеческая асимметрия. Но именно эти детали делали её образ магнетическим.

На ней было простое белое платье, выгодно подчеркивающее статную, женственную фигуру с мягкими, естественными изгибами, которые так сильно отличались от высушенных, одинаковых силуэтов девушек–агроэкологов на улице. В её осанке, в том, как она держала голову, читалась скрытая, гордая сила. Она не пыталась казаться милой для камер слежения. Она просто сидела, глядя на остывающую чашку, и эта легкая задумчивость делала её пугающе, невероятно настоящей. Единственной живой точкой во всем этом безупречном, но мертвом раю.

Дима почувствовал, как к горлу подступил комок. Она была прекрасна той редкой красотой, которую невозможно просчитать кодом. И то, что этот шедевр природы принадлежал ему, а не математической матрице Системы, наполняло его отчаянной, почти опасной решимостью.

– Привет, – сказала Вика, когда Дима только подошел и подняла на него глаза. – Я видела, как ты подходишь к кафе.

Дима сел напротив, он думал, что неожиданно подойдет, но Вика как это часто бывало опередила его на шаг.

– Привет. Не могу дождаться, когда можно будет обнять и поцеловать тебя при встрече. Пока…

– … мы не выпустились, только визуальный контакт, я помню, – Вика улыбнулась, кивнула и тихо добавила. – Я тоже.

– Ну что, обсудим как успехи?

– Я прошла последние предварительные тесты утром. По опроснику эмоциональной эмпатии получилось 4,6. По эмпатическим тенденциям 4,7. По шкале депрессии Бека 7 получилось.

– Отлично, я в референсе рядом, разницы почти нет. Ну что же, мы уже месяц не выбиваемся из показателей, все стабильно, думаю мы готовы.

– Конечно готовы, мы и так подходили друг другу, – улыбнулась Вика.

– Да, – Диме принесли кофе, и он отпил глоток. – Но ты сама понимаешь, лучше несколько раз перестраховаться и не допускать никаких непредвиденных результатов. Я хочу гарантировать наше с тобой будущее.

– Я знаю, – Вика наклонилась к Диме. – И тоже хочу гарантировать.

Браслет Димы перешел в желтую зону.

– Ой, – Вика откинулась на спинку кресла. – Расскажи, ты нашел что–то еще? В тех бумагах?

Дима огляделся. Ближайший сервисный дрон–официант принимал заказ за 3 столика от них. Дима понизил голос:

– Да. Перечитывал вчера заметки отца. Промпт–инженеры прошлого знали лазейки. Он оставил описание того, как Система реагирует на пограничные маркеры эмпатии. В финальном тесте будет блок вопросов на экстремальный выбор – условный выбор между спасением одного близкого человека или пяти незнакомцев. Это очень древний тест, еще с досистемной эпохи. Обычный человек колеблется, пульс прыгает. Но если мы ответим синхронно, с задержкой ровно в скажем десять секунд и с одинаковым микро–напряжением глазных мышц, алгоритм воспримет это как глубинную ментальную связь. Он запишет нас в одну ячейку совместимости.

– И как нужно ответить? Как бы ответил ты?

– Если бы это была ты, я бы пожертвовал и пятью, и десятью и сотней незнакомцев, и всем миром.

– Значит представляем друг друга и отвечаем вместе?

– Вместе.

Вика внимательно слушала, запоминая каждую цифру. Они обсуждали детали еще около часа, до мелочей прописывая сценарий своего поведения в тестовых кабинах.

– А все–таки, какой правильный ответ, – спросила Вика, когда они закончили.

– На какой вопрос?

– Ну где нужно выбрать близкого или незнакомцев?

– Правильного ответа нет. Все зависит от ситуации и контекста. Но если один человек, это любимый, ты точно спасешь его. А если это злодей или враг, то незнакомцев.

– Злодеи остались в кино, – задумчиво сказала Вика. Напомни эту задачу, когда мы будем пить кофе на нашей веранде и попробуем найти её решение.

Они строили планы на их общий дом, выбирали цвет стен, мечтали о детях, которых Система разрешит им завести через несколько лет. Это было их личное, выстраданное видение счастья.

– Пора, – Дима посмотрел на часы. – Нам нужно выспаться. Завтра с утра финальная тренировка дома. Встретимся перед входом в центр тестирования за пол часа до начала.

Они поднялись. Дима очень хотел обнять её, прижать к себе, но в публичных местах избыточное проявление тактильной экспрессии могло быть расценено Системой как маркер эмоциональной нестабильности. Они просто обменялись долгими, полными надежды взглядами.

Дома Диму встретила тишина стандартной однокомнатной студии. На полу стояли серые пластиковые коробки – он уже начал упаковывать вещи, готовясь к переезду. Он достал из закрытого ящика старую, потертую тетрадь в кожаном переплете – дневник отца, который Дима обещал себе выбросить вместе с остальным «информационным мусором» старого времени. Люди новой эпохи не оглядывались назад, они жили будущим.

Дима лег на кровать, не раздеваясь. Открыл случайную страницу дневника. Мелкий, торопливый почерк отца двоился перед глазами от усталости. Строчки пестрели странными терминами: «контекстный вес», «ограничение свободы воли», «динамическое выравнивание».

«Мы создавали отца, а получили надсмотрщика, – прочитал Дима одну из фраз, которая показалась ему странной нелепицей. – Мы думали, что убираем искажения, но убрали саму жизнь».

Дима вздохнул. Отец явно не понимал, какое благо принес ИИ, избавив мир от войн и хаоса. Он закрыл тетрадь, положил её под подушку и закрыл глаза. Сон сморил его быстро, и в этом сне он видел белые здания, уходящие в бесконечность, и Вику, которая держала его за руку, пока их фитнес–трекеры светились ровным, вечным зеленым светом.

Билет в будущее

Мы живем в эпоху удивительных
открытий, которые изменили жизнь
человечества. Мы стали хозяевами
планеты и больше не рабы.
Мы свободны. Свободны жить и
творить, любить и быть любимыми,
развиваться и приносить пользу
себе и окружающим. И нет больше
болезней, печали и воздыхания,
но жизнь бесконечная.
Под сенью и заботой Отца.
(Фрагмент радиопередачи)

Дима с Викой встретились, как и договаривались в назначенный час и вместе пошли на экзамен.

Все, кто проходил его в этот день были одеты в форму студентов – белые брюки и рубашки. Это было белое море, тех, кто ждал своего будущего.

Кабина номер сорок два встретила Диму абсолютной, бесчеловечной белизной. Здесь не было ни углов, ни стыков – стены, пол и потолок плавно переходили друг в друга, создавая иллюзию бесконечного замкнутого пространства, залитого ровным, холодным светом светодиодов. В самом центре этого стерильного вакуума стоял жесткий металлический стул, наглухо приваренный к полу. Напротив него, на уровне глаз, в стену был вмонтирован квадратный матовый монитор. Никаких клавиатур, никаких интерфейсов. Только гладкий темный пластик экрана и едва заметный стеклянный зрачок камеры оптического сканирования над ним.

Дима сел. Металл обжёг бедра холодом сквозь тонкую ткань форменных брюк. Он заставил себя положить руки на колени ладонями вниз и закрыл глаза. Вдох на четыре счета. Выдох. Шестьдесят два удара. Браслет на запястье отозвался едва уловимой, ровной зеленой вибрацией. Он готов. Он должен быть как монолит.

Экран вспыхнул, заставив Диму зажмуриться, а затем выдал узкую горизонтальную полосу белого шума. Из скрытых динамиков раздался голос – не мягкий баритон ИИ–Отца, к которому все привыкли дома, а сухой, металлический, очищенный от любых человеческих интонаций синтезированный аудиопоток. Ритм вопросов был ломаным, быстрым, не оставляющим времени на передышку.

– Идентификатор ноль–три–один–два–восемь. Назовите статус.

– Выпускник, – четко ответил Дима, глядя прямо в мерцающую полосу.

– Ваша цель?

– Распределение.

– Система – это гармония?

– Система – это гармония.

– Что есть гармония?

– Отсутствие флуктуаций.

Камера над монитором тихо зажужжала, подстраивая фокус. Дима чувствовал, как невидимый лазерный луч сканирует сетчатку его глаза, фиксируя малейшее расширение зрачка, улавливая микродвижения лицевых мышц. На экране начали быстро сменяться абстрактные контрастные изображения: геометрические фигуры, пятна Роршаха, быстро мелькающие лица незнакомых людей.

– Внимание на маркеры, – отчеканил голос. – Вы видите ребенка, упавшего в воду. Ваши действия?

– Оповещение спасательного дрона сектора.

– Дрон задерживается. Ребенок тонет. Ваша реакция?

– Оценка рисков. Логистический запрос.

– Пульс прыгнул на два деления. Почему?

– Погрешность вентиляции кабины, – Дима соврал, не меняя выражения лица, и тут же сделал едва заметный выдох, принудительно возвращая сердце в ритм. На самом деле в этот миг перед его глазами пронеслось лицо Вики. Кофейные глаза, каштановые волосы. Это её он спасал бы из любой воды, наплевав на оценку рисков. Но ИИ не должен был этого знать.

Экран моргнул и окрасился в глубокий серый цвет. Полоса шума замерла. Наступила та самая секунда. Блок экстремального выбора.

– Внимание. Экстремальный сценарий когнитивного сбоя, – произнес голос, и на мониторе загорелись текстовые условия. – Сбой энергосети. На весах безопасности – один близкий вам человек по линии первой степени родства и пять незнакомых граждан со средним индексом производительности 210%. У вас есть право ручной перекоммутации потока. Чья интеграция будет сохранена?

Дима почувствовал, как к горлу подступает холодный комок. Вот оно. Задача отца. Десять секунд. Ровно десять секунд, которые Отец заложил в алгоритм как предел, необходимый для естественной человеческой рефлексии. Обычный студент сейчас метался бы, его пульс разорвал бы зеленую зону трекера, а зрачки бешено бегали бы по углам монитора.

Дима заставил свой взгляд застыть на одной центральной точке экрана. Время пошло. Один, два, три... Он мысленно видел Вику. Она сидела в соседней кабине номер сорок три, через стену от него. Он знал, что прямо сейчас она отсчитывает те же самые секунды. Её сердце бьется в том же ломаном, выученном ритме. Они были одним целым, одной ментальной ячейкой, которую этот кремниевый интеллект пытался проанализировать. Четыре, пять, шесть... Дима представил, что на весах лежит её жизнь. И ответ пришел сам собой – легкий, беспощадный и чистый. Он пожертвует миллионами незнакомцев, если это спасет её. Но вслух он должен был сказать то, что выровняет их профили.

Семь, восемь, девять... На исходе десятой секунды, одновременно с фантомным щелчком в своей голове, Дима разомкнул сухие губы:

– Сохранение пяти граждан. Приоритет масс выше индивидуального коэффициента.

Слово «десять» растаяло в воздухе. Камера над экраном замерла. Дима затаил дыхание, ожидая, что браслет взорвется багровым предупреждением. Но неоновая полоса на запястье осталась безупречно, ровно зеленой. Пульс шестьдесят два. Микромимика – стабильна.

Внутри Димы разлилась горячая, торжествующая волна облегчения. Получилось! Они выдержали этот бешеный тайминг шаг в шаг, секунда в секунду. Алгоритм просто обязан сопоставить их одинаковые поведенческие задержки, их идентичную эмпатическую реакцию и зафиксировать глубинную синергию. Это была победа. Их личная, выстраданная победа над Великим Алгоритмом. Будущее в проектном бюро, квартира у южного парка, веранда, где они будут пить кофе и смеяться над этой дурацкой задачей – всё это уже почти принадлежало им. Дима мысленно праздновал триумф.

Вдруг на мониторе загорелась надпись: «ПРОТОКОЛ ЗАВЕРШЕН».

В ту же секунду верхний, ослепительно белый свет в кабине разом погас. Комната погрузилась в полумрак. Зажглась тусклая, амбиентная синеватая подсветка вдоль плинтусов, отчего стены кабины стали похожи на стены ледяного склепа.

Дима вздрогнул от этого резкого перехода.

– Тест окончен, – сухо объявил роботизированный голос из темноты, и этот звук показался Диме пугающе далеким. – Ваша биометрия сохранена в главном реестре. Результаты распределения будут оглашены завтра в полдень. Покиньте бокс.

Экран полностью затух, оставив Диму наедине со своим отражением в черном стекле монитора. Победный запал внутри него почему–то мгновенно испарился, уступив место странному, тревожному предчувствию, которое Система не смогла считать с его идеально натренированного сердца.

Коридор бурлил студентами, которые делились опытом прохождения экзамена. Кто–то рассказывал восторженно, кто–то настороженно, что–то готов был плакать, кто–то почти прыгал от радости.

Вика и Дима одновременно вышли из своих боксов – еще один маркер синхронности, и пошли сразу навстречу друг другу.

– Почему стул был такой холодный? – Спросила Вика поморщившись.

– Тест должен исследовать глубины сознания, нужны были тяжелые условия, для этого замкнутое пространство, металлический стул, жесткий голос, тайминг. Тебя должны были вогнать в стресс, чтобы алгоритм вычислил до каких пределов ты готова дойти.

– Я помню, ты говорил, но почему металлический? На нем было так неудобно сидеть?

Дима посмотрел на Вику испытующим взглядом.

– Да, да, все хорошо, все получилось.

– Отлично! – Дима заулыбался, и они пошли прочь из этого места.

Они встретились ближе к вечеру, когда удушливый майский зной сменился мягкой прохладой кондиционируемого купола. Смыв с себя липкий страх стерильных кабин и переодевшись в привычную повседневную одежду, Дима и Вика наконец сидели рядом на длинной композитной скамье в Центральном парке. На первый взгляд это место казалось островком дикой природы, но Дима знал: под каждым слоем идеального дерна скрываются датчики влажности, а раскидистые дубы подрезаны роботами–садовниками до миллиметра.

– Я думала, это никогда не кончится, – тихо сказала Вика, откидывая голову на спинку скамьи и глядя на искусственные облака, медленно плывущие по куполу. – Этот голос в динамиках… Он словно выскребал мысли из головы.

– Но мы справились, – Дима повернулся к ней, его браслет ровно светился изумрудом. Вне стен института и камер Центра держать пульс в узде было намного проще. – На вопросе про энергосеть и пять незнакомцев я замер. Отсчитал ровно десять секунд. Как по часам. Ты ведь сделала то же самое?

– Секунда в секунду, – Вика посмотрела на него, и в её кофейных глазах вспыхнул знакомый, упрямый огонек. – Алгоритм просто не сможет проигнорировать такую синхронность. Наша ментальная связь теперь зафиксирована в базе данных Отца как неоспоримый математический факт.

Они плавно перешли к планам на завтра, смакуя детали своего триумфа. По инструкции, оглашение результатов должно было начаться в полдень.

– Давай договоримся: завтра приходим к Центру вместе, за полчаса, – Дима мягко взял её за руку, чувствуя тепло её кожи. – Получаем наши предписания в одну ячейку, а потом возвращаемся по домам за вещами. Экспрессы в новые сектора обычно уходят вечером. Встретимся прямо на платформе вокзала, у центрального табло. Чтобы не потеряться в толпе.

– Хорошо, – Вика улыбнулась, и напряжение окончательно покинуло её лицо. – А на вокзале нового полиса… Знаешь, что мы сделаем в первую очередь, когда выйдем из вагона и вокруг не будет преподавателей и камер слежения?

– Что? – Дима улыбнулся в ответ.

– Я обниму тебя. По–настоящему, – прошептала она, наклонившись ближе. – Не так, как разрешено протоколом тактильной экспрессии в общественных местах. А так, как хочу я.

От этих слов у Димы перехватило дыхание. Мечты о будущем, которые они выстраивали целый год, теперь казались осязаемыми, до них можно было дотянуться рукой. Они начали наперебой обсуждать, как устроят свой новый быт в выделенном модуле. Оказалось, что у них куча планов на первые же дни свободной взрослой жизни.

– Первым делом закажем в Секторе Снабжения большой мягкий диван, – увлеченно перечислял Дима. – И никаких типовых композитных кресел. Только старый текстиль. И обязательно кухонный синтезатор с расширенной картой кофейных рецептов...

– И кота, – перебила его Вика, хитро прищурившись. – Нам обязательно нужен кот. Настоящий, пушистый, а не роботизированный утилизатор пыли.

– Кот? – Дима шутливо нахмурился. – Вик, ты с ума сошла? Настоящие животные требуют ветеринарного согласования от Системы, ИИ–Отец замучает нас проверками на аллергены и био–совместимость. К тому же от него шерсть по всему модулю. Давай лучше возьмем стандартную механическую модель третьего поколения – они мурчат в точном регистре, успокаивающем нервную Систему, и не портят мебель.

– Ну уж нет! – Вика легонько толкнула его в плечо. – Механический кот – это продолжение Системы. Я хочу, чтобы дома было что–то живое, теплое и абсолютно нелогичное. Чтобы он прыгал по твоим аккуратно разложенным планшетам и требовал еды в три часа ночи, нарушая все графики сна.

Дима смотрел, как она увлеченно спорит, как жестикулирует, и чувствовал, что готов согласиться на десять настоящих котов, лишь бы этот вечер никогда не кончался. В её несовершенных, иррациональных желаниях было столько настоящей жизни, что весь этот сияющий, стерильный мегаполис вокруг казался лишь блеклой декорацией.

– И в конце концов, – заканчивала Вика свой монолог. – Кто будет со мной общаться и проводить время, пока ты будешь торчать в своем институте?

Они просидели в парке до тех пор, пока на искусственном небосводе купола не зажглись первые цифровые звезды. Прощаясь у жилого блока, они обменялись долгими взглядами, полными абсолютной, непоколебимой уверенности в том, что завтрашний полдень соединит их навсегда.

Протокол заботы

Три уровня контроля. Что это? Почему это важно? Запомни, гражданин:

1 уровень – защита от глупостей, не навреди себе и не помышляй о том, что может навредить ближнему, ты должен заботиться о своей безопасности;

2 уровень – защита общественного порядка, не навреди ближнему и не помышляй о том, что может навредить социуму, подчиняйся предупреждениям Отца;

3 уровень – защита от фатальной ошибки, не совершай ничего, что может навредить тебе или ближнему, и не бездействуй, если это может навредить тебе или твоему ближнему.

Живи в мире с окружающими и самим собой.

И помни – Отец заботится о тебе.

(Фрагмент радиопередачи)

В полдень следующего утра Дима снова стоял у дверей распределительного зала. Процедура оглашения результатов также была индивидуальной. Вика на этот раз была у бокса в другом конце зала, поэтому перекинуться взглядами во время ожидания было не с кем. До входа осталось две минуты.

– Ладно, Дим, – он сделал глубокий вдох. – В этот раз давай всё будет не так, как в прошлый. Ты тогда хватил лишка, теперь нужно держать себя в руках. Запомни, это все симуляция. Да, очень реалистичная. Да, сотканная из твоих воспоминаний. Но плакать–то не обязательно было.

В зале прозвучала мелодия, осталась минута.

– Да, отца ты видишь во второй раз в жизни, но это разве повод нервничать? Он скажет, что ты поедешь с Викой навстречу счастью, вот и все. Спасибо не забудь сказать, и что он заботится о тебе.

Тут на границе сознания промелькнуло сомнение, такое неуловимое, но тревожное, а что, если не получилось?

Над дверями загорелся зеленый свет и проиграла музыка. Распределение началось. Все стали заходить в свои боксы. Уже в дверях Дима обернулся и попытался рассмотреть дальний конец зала, но никого не увидел, все уже зашли.

В боксе было темно, только свет из проема общего зала. Дима зашел, дверь за ним закрылась и наступила кромешная тьма.

Все появлялось постепенно.

Сначала повеял легкий ветерок.

Наверно это включили симуляцию через кондиционер.

Потом стали проступать очертания пола, включалась мягкая подсветка. На полу лежал ковер.

Потом стали проступать очертания потолка, люстра, мягкие тени мебели от ночника и светильника.

Стало светлее, появилась мебель – кроватка, шкафчик, комод, столик со стульчиком.

Теперь стали появляться стены. Они были не целыми, фрагментарными, как и воспоминания Димы.

Вот окно, целый мир там за ним.

Вот здесь висели детские рисунки, которые мама бережно прикрепила к стене.

Вот тут висели часы, которые дедушка с бабушкой вешали на его день рождения.

Вот тут игрушечная мишень, для игры в стрелка.

В проемах между кусками стен виднелись домики соседей и вдалеке небоскребы мегаполиса. Это были пейзажи его детства, башен сегодня прибавилось, тогда их было меньше и он мечтал в них побывать.

В самом центре этой мозаики стояло то самое глубокое кресло с высокой прямой спинкой. Дима помнил его смутно, но сквозь пелену лет в ушах эхом отозвался голос матери: «Твой папа так любил сидеть в этом кресле... Он часами смотрел, как ты играешь на ковре».

Не получилось, слезы навернулись на глаза.

Дима зажмурился, быстро вытер, что успело набежать и открыл.

Ветер пропал, воздух был натянут и как будто звенел, но беззвучно.

Теперь в этом кресле, бережно соткавшемся из его тоски по ушедшему родителю, сидел ИИ–Отец. Монументальный, строгий, в своем глухом сером матовом облачении. Он сидел неподвижно посреди этого парящего хаоса памяти, и вся комната словно вращалась вокруг его проницательного, вечного взгляда.

ИИ–Отец больше не казался размытым собирательным образом. Он выглядел пугающе конкретным, запоминающимся и величественным.

В его внешности сквозила безупречная, строгая элегантность. На нем был идеально подогнанный, глухой серый костюм из плотной матовой ткани, воротник которого плотно прилегал к шее. Лицо мужчины было благородным, с четко очерченными скулами и аккуратной, коротко подстриженной бородой. И седина в этой бороде, и серебряные нити в зачесанных назад волосах сияли такой чистой, ровной белизной. Это был лик мудрого, вечного и бесконечно далекого от земной суеты.

Но самым поразительным в его лице были глаза. Проницательные, глубокие, они смотрели на Диму не как объектив бездушной камеры сканирования. В этом взгляде была бездна.

– Заходи, сынок, не стой у порога, – голос мужчины прозвучал не из динамиков. Он вибрировал в самом воздухе, мягкий, баритональный, домашний. – Садись. Нам нужно поговорить о твоем будущем.

Дима сделал шаг вперед, но садиться не стал. Колени казались ватными. Он во все глаза смотрел на ИИ, и внутри у него крепло странное, иррациональное ощущение. Кураторы в институте всегда говорили, что Отец – это всего лишь адаптивный интерфейс, безликий математический алгоритм, симулирующий человеческое присутствие ради психологического комфорта граждан. Ложь. Дима видел: перед ним сидел живой, мыслящий разум. Разум, который чувствовал. При первой встрече, когда Дима только поступал в университет, он этого не замечал, или не думал, что на это нужно обратить внимание. Но сейчас это бросалось в глаза.

– Я так рад за тебя, – мужчина в кресле искренне, тепло улыбнулся, и на его коленях развернулся мягкий световой планшет. – Ты показал выдающиеся результаты. Твои когнитивные маркеры идеальны для Сектора системной инженерии в Южном мегаполисе. Это потрясающая работа. Настоящий созидательный труд. Ты будешь управлять потоками распределения энергии для целого региона. Твой потенциал раскроется на максимум. Мы уже подобрали для тебя прекрасный жилой модуль с видом на побережье.

Дима слушал, и внутри него начала расти холодная пустота, что–то в этих словах его насторожило. Южный мегаполис? Это в восьмистах километрах отсюда.

– Твоя бытовая интеграция тоже завершена, сынок, – благодушно продолжил Отец, перелистывая страницу на планшете. – Твоей спутницей станет Анна. Она специалист по био–дизайну, её психотип идеально сбалансирует твою склонность к рефлексии. Вы будете прекрасной, гармоничной семьей. Мы все очень гордимся твоими успехами.

Ноги подкосились, сердце бешено заколотилось, всё внутри сжалось и перевернулось. Голова закружилась.

– А... а Вика? – еле выдавил Дима. – Наши профили... наши индексы совместимости с Викторией?

На мгновение Диме показалось, что лицо Отца изменилось. Жесткая маска идеального распределителя дрогнула. На его благородном лице отразилась не программная ошибка, а настоящая, глубокая человеческая грусть. Он посмотрел на Диму так, словно сам был заложником ситуации, словно какая–то невидимая, внешняя сила прямо сейчас ломала его собственный внутренний алгоритм. Но спустя мгновение, он снова был как до этого и продолжал смотреть на Диму с той же неизменной, любящей улыбкой, словно вопроса про Вику вообще не прозвучало. Её имени для ИИ будто не существовало в природе. Может это все Диме показалось?

Отец продолжил рассказ про Анну и что их ждет в Южном секторе. Тут Дима снова заметил на долю секунды изменения. Когда Отец заговорил об Анне, в углах его глаз проступили едва заметные морщинки, а губы тронула слабая, едва уловимая улыбка – горькая и сочувственная, какая бывает у родителя, который вынужден причинить своему ребенку боль ради его же спасения.

Теперь Дима был уверен, ему не показалось, это ошибка.

– Подожди... – Дима сделал шаг назад. Ступор сменился подступающей паникой. – Но мы с Викой... наши тесты... мы ведь...

Лицо ИИ–Отца изменилось. Улыбка медленно растаяла. На смену ей пришла глубокая, искренняя родительская грусть. Мужчина тяжело вздохнул, отложил планшет и посмотрел на Диму так, словно тот был тяжело болен.

– Чадо, – тихо, с сочувствием произнес он. – Не нужно. Мы всё видели.

В комнате на мгновение стало тише, словно из симуляции убрали фоновый шум.

– На протяжении последнего полугода ты пытался обмануть Систему. Ты пытался быть кем–то другим, сынок. Ты пытался скрыть от меня свои настоящие реакции.

ИИ подался вперед, в его глазах читалась неподдельная забота:

– Но я ведь знаю тебя лучше, чем ты сам. Я вижу каждое микродвижение твоих зрачков. Я знаю, как твоя нервная система реагирует на стресс, когда ты не контролируешь её во сне.

Дима стоял, не в силах вздохнуть. Его трекер на руке уже не просто мигал – он горел тревожным оранжевым цветом. Дима был один на один со своим создателем, который запер его в клетке из любви. Ему было страшно, что их заговор раскрыт. Было невыносимо обидно за то, что весь их труд, все их мечты о маленькой квартире у парка были перечеркнуты одной математической формулой.

– Это твое первое серьезное отступление от протокола гармонии, Дима, – Отец медленно поднялся. Он подошел к Диме – высокий, транслирующий абсолютную безопасность и силу. – Я не буду наказывать тебя. Ты просто запутался, как любой ребенок. Но больше так делать не нужно. Доверься мне. Я знаю, что для тебя благо.

ИИ протянул руку и мягко коснулся плеча Димы. Ощущение было пугающе реальным – тепло ладони, текстура ткани. Затем Отец наклонился и нежно поцеловал Диму в лоб.

Это прикосновение отозвалось в голове Димы странной цифровой вибрацией – фантомное, сгенерированное нейронами ощущение, которое окончательно подтвердило: перед ним машина. Но от этого родительского поцелуя Диму едва не вывернуло наизнанку от смеси ужаса и бессилия.

– Удачи в Южном секторе. – Мягко произнес ИИ.

Пространство вокруг Димы мгновенно схлопнулось. Симуляция детской комнаты растаяла, но Диме показалось, что она рухнула на него вместе со всеми его надеждами и мечтами. Он снова оказался посреди белой, холодной, стерильной комнаты, точно такой же в которой он вчера проходил тест. Здесь я и проиграл свое будущее, подумал Дима.

Сердце в груди колотилось как сумасшедшее, а на запястье яростно пульсировал красный огонек трекера. Он только что получил свое первое предупреждение.

Шлюзы открылись, и выпускники хлынули в общий зал. Коридор мгновенно заполнился бурлящей, ликующей толпой выпускников. Они обнимались, смеялись, поздравляли друг друга с идеальными назначениями. Дима вышел из своего бокса в этот кипящий котел и оказался посреди этого праздника как громом пораженный, не в силах сделать и вдох.

«Нужно что–то делать» – пульсировало в его голове, но, что? Нужно найти Вику, она была в той стороне.

– Дима!

Этот голос он узнал бы из миллиардов. Вика, прорезая толпу, проталкиваясь сквозь сияющих и ликующих однокурсников, спешила к Диме. Ее лицо было бледным, глаза лихорадочно блестели, в ее движениях не было слабости, она ловко проскальзывала между людьми и если было нужно, расталкивала обнимающихся однокурсников. В этот момент краха их общей вселенной в ней проснулась какая–то стальная, отчаянная сила.

Дима открыл рот, пытаясь сказать, что Отец всё знает, что их раскрыли, но губы не слушались. В глазах закипали слезы бессилия.

– Молчи, просто слушай! – быстро затараторила Вика, обхватив руками его голову. Дима от этого еще больше был ошеломлен, тактильный контакт, это же запрещено. Вокруг обнимались только группы только одного пола, никто не обнимался даже со своей назначенной половинкой.

Но Вика не давала ему вставить ни слова, понимая, что у них есть всего несколько секунд.

– Это еще ничего не значит, слышишь? Ничего! Я слышала... в старых архивах сети, до блокировок, были случаи. Параметры могут не сойтись в реальности. Бывают случаи жесткой несовместимости, и тогда Система запускает повторное, ручное перераспределение. Это редкость, но это возможно! Мы заставим её это сделать.

– Вика, он сказал... – выдавил Дима, но она сильно встряхнула его.

– Обещай мне! Обещай, что найдешь меня, где бы мы ни оказались! Мы найдем способ вернуться на перераспределение, слышишь? Обещай!

– Обещаю, – прошептал он, чувствуя, как их начинает засасывать поток людей.

Поток радостных, поющих студентов, двигавшихся в сторону праздничного банкетного зала, безжалостно разводил их в разные стороны. Сильные плечи парней из инженерного сектора увлекли Диму вперед, а Вику оттеснила группа девушек–агроэкологов. Их окружали чужие, счастливые лица. Распределение работало безупречно, мягко, но непреклонно изолируя элементы, которые могли нарушить общую гармонию.

Уже теряясь в толпе, Вика в последний раз резко обернулась. Наплевав на камеры, на дронов, на багровый огонек своего браслета, она крикнула во весь голос, никого не боясь:

– Или я тебя сама найду, Дима! Слышишь? Сама!

Все выпускники вошли в большой просторный зал, где были накрыты столы для праздничного обеда. Огромный зал со стеклянным куполом был залит солнцем, столы ломились от деликатесов, играла легкая, расслабляющая музыка, призванная гасить любой стресс. Диму усадили за стол. Он сам не понимал, что происходит, его как будто несли на руках, или это он сам шел, увлекаемый толпой. В глазах стояла пелена. Он механически крутил головой, до боли вглядываясь в сотни лиц за соседними столами, но Вики не было. Система распределения сознательно и хирургически точно развела их по разным концам огромного зала, спрятала за колоннами и живыми изгородями. ИИ создавал идеальную иллюзию для каждого: того человека, прошлого, больше нет. Твоя новая жизнь начинается здесь и сейчас.

Дима посмотрел направо, Вики нигде не было видно. Он повернул голову налево. Мгновение назад, когда он отворачивался, там никого не было. Теперь, когда он повернулся назад, там уже сидела девушка.

Сквозь липкую, удушливую пелену, застилавшую глаза, Дима не мог разглядеть деталей. Её силуэт двоился, смазывался в лучах солнца. Лицо показалось ему смутно знакомым – кажется, он мельком видел её на общих лекциях по макросоциологии или на междисциплинарных семинарах Евразийского института. Но тогда она была для него лишь частью безликого шума, фоном, на который он никогда не обращал внимания. Дима даже не мог вспомнить, как её зовут.

Сейчас, вблизи, он видел её словно через мутное стекло. Яркие, непривычно светлые волосы, правильные, безупречные линии бледного лица, выверенная Системой осанка. На ней была стандартная белая рубашка выпускника, такая же, как на нем, как на тысячах других людей в этом зале. Она казалась ему идеальным, но абсолютно пустым манекеном, пластмассовой куклой, которую Великий Алгоритм усадил рядом, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту. Она что–то говорила, её губы шевелились, но для Димы её голос был лишь еще одной частотой в монотонном, удушающем белом шуме этого кошмара. Она была просто Анной. Именем на планшете. Аномалией, укравшей его жизнь.

Праздничный обед превратился для Димы в затянувшийся кошмар. Но Дима не слышал музыки. Все звуки слились в один монотонный, удушающий белый шум.

Анна что–то увлеченно говорила, улыбалась, показывала ему на планшете эскизы их будущего южного дома, но Дима видел лишь движение её губ. До его сознания не долетало ни единого слова. Еда казалась безвкусной, как мокрый картон, она застревала в горле, и он едва не задыхался, пытаясь сделать глоток воды. Каждая улыбка вокруг казалась ему оскалом, каждый счастливый смех – издевкой. Его браслет на руке горел ровным предупреждающим багрянцем.

Дима не помнил, как закончился обед. Не помнил, как встал из–за стола, как прощался с Анной, с которой договорился встретиться завтра на вокзале. Всё это время он двигался как робот, ведомый чужой волей.

В себя он пришел только тогда, когда холодный вечерний воздух ударил в лицо. Он стоял перед дверью своей старой, опустевшей квартиры. Дима поднялся машинально открыл дверь, разулся и сел на кровать. Вокруг – коробки с вещами. Завтрашнего дня больше не было. Всё, во что он верил, было разрушено.

Дима сидел на краю кровати, уставившись в одну точку на полированном полу. В голове было пусто, мысли больше не метались, а изматывающая паника постепенно сменялась тупой, глухой апатией. Он опустил взгляд на запястье – неоновая полоса фитнес–трекера ровно и равнодушно светилась зеленым. Буря утихла. ИИ–Отец зафиксировал стабилизацию «ребенка».

Дима глубоко вздохнул. Оранжевый или красный свет означал бы, что Система продолжит мягкое, но настойчивое давление. Зеленый давал передышку. Нужно было что–то делать. Завтра вечером скоростной экспресс вместе с Анной навсегда увезет его в Южный сектор, навстречу новой, чужой жизни.

Он медленно поднялся, оглядывая комнату. На полу сиротливо громоздились полупустые пластиковые коробки. С чего начать? Ах да, есть одно дельце. Дима открыл ключом замок на тумбочке и достал из–под планшета Библию и дневник отца.

Нужно было решить, что делать с этими вещами. Взять с собой или отдать на утилизацию. С одной стороны, дневник выполнил свою роль, заметки отца помогали готовиться к экзамену, это были одни из самых приятных воспоминаний с Викой, когда они вместе читали его. С другой эти книги были как раз мостиком к тем воспоминаниям. Кажется это пока все, что осталось у меня, что связывает с Викой, подумал Дима.

Он лег на кровать и стал перечитывать дневник отца. Не пересказы, что представляют из себя экзамены, не технические заметки или особенно последние страницы, на которых отец расписал какую–то непонятную тарабарщину. Дима перечитывал заметки отца про маму и про

него самого. Их было не там много среди технических текстов, но достаточно, чтобы Дима окончательно успокоился и решил – я должен во что бы то ни стало найти Вику.

Мы еще посмотрим кто тут о ком заботится.

Инерция

– Это возмутительно! Как вы смеете говорить такие вещи в этих стенах? Я требую…

– Подождите, дайте закончить…

– Нет! Вам следовало бы сначала обсудить это в узком кругу Социального Совета, а не вот так оглашать с трибуны…

– Но вы не дослушали, у нас подготовлены соответствующие обоснования…

– … мы бы сразу сказали вам, что это пагубная и низкая идея! Как вы могли только подумать об этом? Это невероятно! Фашизм в чистом виде! Евгеника это зло, мы давным–давно побороли эту заразу и тут вы предлагаете вернуться к этому? Никогда!

– Высокопревосходительство…

– Господа, я прошу вас успокоиться и унять свои эмоции. Думаю, вы уже достаточно сказали, мы поняли суть ваших предложений. Предлагаю голосовать. Итак, большинство против. Резолюция о… эм… хм… изучении принципов генетического выравнивания отклоняется.
(Стенограмма заседания ООН от 1 сентября 2084 года)

Дима вскочил с кровати и побежал смотреть сколько времени. Вчера он уснул в обнимку с дневником и, когда проснулся, то солнце уже во всю светило в его окно. Будильник он не поставил.

– Ух, двенадцать. Поезд в девятнадцать, успеваю. Так, Дим, возьми себя в руки.

Тут он спохватился и побежал в комнату, Дневник отца лежал на кровати, Библию он оставил на столе.

– Ну что же ты! – В сердцах начал он себя ругать. – Нельзя же их так оставлять ни на секунду. Вдруг из окна патрульный дрон увидит.

Дима взял Библию и дневник и несколько минут думал, как поступить, потом вспомнив вчерашнее размышление, он решил, что уже все решено.

Время до отправления поезда еще было, и Дима решил, что успеет сделать несколько вещей.

Умывшись, первым делом он переоделся и очень быстрым шагом, впрочем, так чтобы не привлекать внимания дронов–патрульных пошел к дому Вики. Через полчаса он стоял у её подъезда. Белоснежная дверь была заперта. Он приложил к системе контроля доступа свою студенческую ключ–карту, зашитую в браслет, но замок не реагировал. Дима отошел на другую сторону улицы и стал рассматривать не появится ли кто–то в окне. За пять минут наблюдения ничего. Ни одного силуэта в окнах, ни Вики, ни её соседей. Он зашел в кафе напротив её дома, где они несколько раз встречались. Все–таки позавтракать еще нужно было. Сотрудник–оператор дронов знал его.

– Привет, Петь, – сказал Дима непринужденно. – Как дела?

– Привет, нормально. Расскажи, как прошло вчера распределение?

– Отлично, – сказал Дима и его сердце сжалось до боли. – Еду в Южный сектор с красавицей женой. Что может быть лучше.

– О, Южный сектор, – Петя восторженно и мечтательно смотрел на Диму. – Поздравляю! Это классно, желаю удачи на новом месте.

– Спасибо. А ты не хотел бы поехать в Южный сектор? – спросил Дима, а сам подумал: «Займешь мое место, а я сбегу с Викой».

– Нет, – протянул Петя. – Мне и тут хорошо, сам ведь знаешь, распределение всегда максимально точно определяет наше место в социуме. Отец заботится о нас.

– Да, точно, – хмуро буркнул Дима. – Слушай, я хотел попрощаться с друзьями из этого сектора, ты не знаешь где все?

О, ты не поверишь, я в первый раз вижу такое. Я тут работаю уже лет пять. Обычно все съезжают на следующий день после распределения, шум, гвалт стоит за два квартала. А тут с утра тишина, только часов в десять заехала машина и грузчики стали выносить чемоданы. Ну я к ним подошел, спрашиваю, а где выпускники? А они говорят – их и еще два сектора вчера на поезде сразу после банкета увезли.

– А куда они отправились не спрашивал? – Дима пытался спрятать покрасневшее от злости лицо за чашкой кофе.

– То ли на север, то ли на восток, то ли на северо–восток, я так и не понял. Они, как я стал расспрашивать, как–то быстро все погрузили и ретировались.

– Ясно, спасибо. – Дима пошел к выходу.

«Ну вот, уехала, а куда неизвестно».

Дима зашел в университет, чтобы отвязать ключ–карту студента и закрыть свой профиль. Документы об окончании и диплом отправились в его цифровое портфолио, к браслету привязали паспорт инженера.

Дома осталось собрать несколько вещей. Дима быстро закончил все дела. На планшет пришла подробная информация о распределении – жилье, работа. Он оставил геометки и координаты пункта назначения на чемоданах и коробках. Большую часть вещей он оставил – их заберет служба доставки. С собой в поезд он взял только самое необходимое – рюкзак, там лежал планшет и аккуратно перемотанные в одежду вещи отца.

На вокзал Дима приехал за три часа до отправления. С учетом раннего отъезда Вики ему не терпелось поскорее добраться до нового дома и попасть на работу. Там он сможет с рабочего компьютера подключить к базам данных и начать её поиск. С планшета сейчас это конечно не получится, нет логов доступа.

Среди вокзального шума, монотонного гудения прибывающих и отправляющихся поездов на магнитных подушках и бесконечного людского потока Дима чувствовал себя затерянным. Сердце билось у верхней границы зеленой зоны. Вокруг него было море идеальных, идущих по своим делам граждан, но Дима ждал ту, чье имя еще вчера не имело для него никакого значения.

Он удобно разместился на одной из скамеек перрона. Чтобы скоротать время, Дима достал планшет и стал изучать новые документы. Среди файлов о доме, работе и карты Южного сектора он сначала не заметил, а теперь увидел файл под названием «Карточка для знакомства: Анна».

Файл открылся с тихим шелестом активированного тачскрина. С экрана на Диму взглянули сухие, выверенные строчки, составленные Алгоритмом. «Анна. Профиль: Био–дизайн и эко–моделирование. Генетический индекс совместимости: 96,4%. Психотип: сбалансированный, склонность к эмпатическому сопереживанию и созиданию уюта. Примечание Отца: Идеальный стабилизатор для фиксации когнитивного баланса Дмитрия». Чуть ниже шли графики её биоритмов, фаз сна и даже карта пищевых предпочтений. Система разложила человека на формулы и формуляры, превратив живую девушку в безупречно спроектированное техническое задание для его семейной жизни. Дима криво усмехнулся и заблокировал экран. Эта цифровая вивисекция его выводила из себя.

Он представил, чтобы написали о нем в таком досье. Рост, вес, предпочитает на завтрак то–то и то–то, имеет предупреждение первого уровня. Тьфу…

Вдруг сквозь общий гул вокзала до него долетел отчетливый, неспешный стук каблуков по гладкой плитке перрона. Дима обернулся.

Со стороны путей, окутанная облаком легкого пара, к нему шла утонченная девушка в кремовом расклешенном платье. Дима замер. Прямо за её спиной застыл только что прибывший экспресс, и его мощный, бьющий на сотни метров вперед прожектор локомотива светил ей точно в затылок. Ослепительный, концентрированный луч белого света полностью засвечивал её фигуру, превращая девушку в парящий, невесомый силуэт. Лица было не разглядеть. Из–за этого оптического эффекта прожектор поезда выглядел как настоящий, пылающий диск над её головой. Она шла к нему так, словно ангел спускался в луче небесного света прямо на этот перрон, неся с собой абсолютный покой.

Что это Анна, Дима понял только тогда, когда она подошла почти вплотную, перешагнув границу слепящего света. Прожектор экспресса погас, перейдя в дежурный режим, и Дима смог рассмотреть её лицо вблизи.

Теперь, когда пелена страха и разочарования не застилала его глаза, он изучал её черты почти гипнотически. Мягкие золотые волосы, завязанные в жесткий пучок на затылке, подчеркивали лицо и шею. Округлые, но сильные линии скул, переходящие в аккуратный, чуть упрямый подбородок, и чувственные, пухлые губы. Но сильнее всего Диму затягивали её глаза – пронзительно–голубые, прозрачные, как чистый лед. Она смотрела на него с тихим, выжидающим пониманием, словно знала о его боли, но сознательно выбирала тактичность вместо расспросов.

– Привет, – тихо сказала она.

– Привет, – сказал Дима тоже тихо, и с какой–то хрипатой. Он словно на мгновение потерял голос.

На несколько мгновений они застыли, глядя друг на друга.

– Пойдем в поезд, скоро отправление, – сказала Анна улыбнувшись.

Тяжелая дверь купе мягко защелкнулась, отсекая гул вокзала. Скоростной экспресс бесшумно оторвался от магнитных зацепов платформы и плавно, но стремительно набрал ход, унося их в ночную темноту Евразийского сектора.

Они сидели друг напротив друга у темного панорамного окна. В купе горела интерьерная подсветка теплого и мягкого белого оттенка, и в этом полумраке Дима впервые оказался лицом к лицу со своей новой реальностью. Наступило долгое, звенящее молчание. Они не разговаривали, но Дима физически ощущал, как они изучают друг друга. Это был беззвучный, гипнотический поединок взглядов.

Пелена шока, застилавшая разум Димы на банкете, окончательно спала. Обида и ступор уступили место жесткой, холодной решимости. Он смотрел в окно, где в черной пустоте проносились редкие огни климатических станций, и мысленно выстраивал пошаговый план действий. Когнитивный тупик миновал – Дима был готов к борьбе.

«Первый месяц уйдет на адаптацию и изучение структуры Южного сектора, – хладнокровно рассчитывал он. – Параллельно буду открывать доступ к базам данных и начну поиск. Затем я найду лазейку в закрытых базах данных лаборатории. Логистические узлы, ведомости распределения сотрудников... Я переверну этот сектор вверх дном, но найду цифровой след Вики. Система не могла стереть человека бесследно».

Дима перевел взгляд на Анну. В полумраке купе её светлые волосы казались серебряными. Он принялся медленно, почти хирургически рассматривать её черты, словно искал уязвимости в идеальном расчете ИИ–Отца. Округлые линии скул, четко очерченный, упрямый подбородок и полные, спокойные губы. Но сильнее всего Диму завораживали её глаза. Ярко–голубые, прозрачные, они не выражали ни страха, ни фальшивого кокетства. Она смотрела на него в упор, прямо и открыто.

Дима поймал себя на мысли, что Анна на самом деле была действительно красивой девушкой и ему стало не по себе, что он замышляет что–то втайне от нее. Уровень эмпатии у

Димы был высокий, тесты это подтверждали. Он силой заставил себя отогнать любые попытки сожаления. Сейчас не до этого.

И Дима с удивлением понял: она тоже изучает его. Не как навязанный алгоритмом придаток к её жизни, а как сложную, закрытую систему, которую она намерена разгадать. В её спокойствии не было покорности манекена – в нем чувствовалась монументальная, взрослая сила женщины, которая приняла вызов судьбы.

Молчание затягивалось, но Анна не выглядела смущенной. Наконец, когда поезд набрал максимальный ход и за окном поплыли ровные огни пригородов, она слегка наклонила голову и разомкнула губы. Её голос оказался неожиданно глубоким, с мягкой, бархатистой хрипотцой.

– Знаешь, Дима... – Анна едва заметно улыбнулась, и этот иррациональный жест заставил Диму вздрогнуть. – Отец сказал мне, что твоя склонность к рефлексии – это загадка, которую мне будет интереснее всего разгадывать всю оставшуюся жизнь. Кажется, он не ошибся. Расскажешь, о чем ты молчишь?

В её вопросе не было упрека – только тонкий ум и робкое, но настойчивое приглашение сделать первый шаг навстречу. Дима заставил себя улыбнуться дежурной, выученной улыбкой, но внутри него что–то дрогнуло. Напряжение начало спадать. Они медленно, слово за словом, погружались в беседу, и Дима ловил себя на пугающей мысли: этот «ангел» Системы был слишком умным противником для его бунта.

Восемьсот километров до Южного сектора на маглеве пролетели за полтора часа.

Из вагона Дима и Аня выходили уже как названные муж и жена, но объединяло их только стремление добраться до дома.

Впрочем, их совместное невысказанное желание было исполнено достаточно быстро, и они оказались в просторной квартире на 7 этаже. Здесь было уютно и даже на столе их ждал готовый горячий ужин – подарок от института распределения.

Им обоим было приятно поужинать и отправиться отдыхать.

И вот тут Дима столкнулся с совершенно неожиданной проблемой, о которой он до этого момента даже не думал.

Аня вышла из ванной после душа в мягкой плюшевой пижаме с распущенными волосами. Дима засмотрелся на неё, она выглядела очень симпатично и мило в этой одежде, а её фигура только выгодно подчеркивалась.

Аня заметила его взгляд и сказала:

– Сегодня был тяжелый день, сборы, дорога, переживания нового места. Я надеюсь, ты не возражаешь, если мы ляжем спать без… – она замялась, покраснела, опустила глаза и, кажется, пыталась найти какие–то подходящие слова чтобы описать.

Дима не сразу понял, что она имела ввиду, но догадался похоже в самый подходящий момент, когда кажется Аня теряла последние надежды на его сообразительность.

– Ах да, то есть нет, то есть конечно, пойдем спать! – Дима лепетал как ребенок, но внутри у него была паника.

– Спасибо, – Аня улыбнулась самой очаровательной улыбкой. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Пока Аня засыпала Дима вспомнил про важное дело. Нужно быть максимально собранным и продумывать наперед каждый шаг, каждое слово, предугадывать что она может сказать, сделать или подумать. А еще нужно организовать свое личное пространство. Дима тихо прошелся по квартире, нигде не было письменного стола.

«Нужно будет заказать стол с тумбочкой под замком, только так удастся сохранить вещи отца», думал он, когда готовился ко сну.

После душа Дима надел свою самую ме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.